

реводились на русский язык. Но в отличие от пастора Грегори, знавшего нравы страны и к тому же имевшего дело с самим царем, Кунст и особенно его преемник Фюрст мало заботились о приспособлении репертуара своей труппы к традициям русской культурной жизни. Это были пьесы, источниками которых служили переделки произведений европейских драматургов (Мольера, Кальдерона, Чиконьини и др.), а также инсценировки авантюрных повестей и рыцарских романов. Поэтому не лишено оснований кажущееся излишне резким заключение П. О. Морозова о репертуаре театра Кунста—Фюрста: «Не имея никаких точек соприкосновения с русской жизнью и литературой, эти пьесы и не оставили по себе сколько-нибудь заметного следа, не могли иметь большого образовательного влияния и не могли долго процветать».⁶

Однако определенную положительную роль открытый по инициативе Петра I публичный театр все же сыграл. Через распространение интереса к театру в широких слоях городского населения он сумел «вызвать подражания не только в высшем, но и в низших слоях общества и, наконец, возбудить не только переводную, но и оригинальную деятельность в области русской драматической литературы».⁷ Переводы немецких пьес служили первым неизвестным нам драматургам светских театров — как придворных, так и городских демократических — теми образцами, на которые они ориентировались при создании новых, уже оригинальных инсценировок тех же авантюрных романов и повестей. Именно эта вторая волна в создании репертуара для русских светских театров первой половины XVIII в. и представляет для нас главный интерес в силу того, что здесь перед нами первые, неуверенные еще попытки самостоятельного воплощения сценической формы мышления, не имевшей до той поры на русской почве своих традиций. В отличие от руководителей немецкой труппы создатели новых светских пьес учитывали потребности аудитории, с которой они имели дело. По всей вероятности, это были люди, знакомые с театром, хорошо усвоившие традиции школьной драматургии.

В оригинальных инсценировках для русских светских театров той поры наблюдается любопытный синтез свободной драматургической манеры пьес немецких бродячих трупп, верной традициям так называемой английской комедии, с одной стороны, и отдельных элементов поэтики школьной драмы — с другой, а также воздействие той новой повествовательной беллетристики, появлением которой было отмечено литературное движение петровской эпохи. Подобный синтез с разной степенью преобладания того или

⁶ П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889, стр. 261.

⁷ Там же, стр. 396.